

Любовь Курилюк

О ЧЕМ ПОЕТ СЕРДЦЕ

Важные решения,
неслучайные встречи
и музыкальная шкатулка,
которая спасла
три жизни

Секреты счастья (АСТ)

Любовь Курилюк

**О чем поет сердце. Важные
решения, неслучайные встречи
и музыкальная шкатулка,
которая спасла три жизни**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 159.92
ББК 88.53

Курилюк Л. В.

О чем поет сердце. Важные решения, неслучайные встречи
и музыкальная шкатулка, которая спасла три жизни /
Л. В. Курилюк — «Издательство АСТ», 2023 — (Секреты счастья
(АСТ))

ISBN 978-5-17-157938-8

Все идет не так! На душе черные тучи, голова гудит от тяжелых мыслей, а хорошее настроение свернулось где-то калачиком и уже подозрительно долго не заглядывает в гости. Книга «О чем поет сердце» – как уютный свет фонаря: разгоняет пугающую тьму, дарит спокойствие и веру, что все обязательно наладится. Почему простая печенюшка может быть вкуснее всего на свете? Из-за чего поездка в маршрутке захватывает сильнее скандального реалити-шоу? Какую страшную тайну прячет новый сосед в своих картинах? Что мешает почувствовать тепло чужой души, и в какие мгновения сердце поет словно канарейка? Вы поймете: даже самые обыденные моменты могут стать особенными, незнакомцы – оказаться родными людьми, а трудные решения, принятые по зову души, – правильными.

УДК 159.92

ББК 88.53

ISBN 978-5-17-157938-8

© Курилюк Л. В., 2023

© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Предисловие	6
Река дождется	7
В маршрутке	11
Подруга на счастье	15
Пока танцует балерина	22
Сосед	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Любовь Курилюк
**О чем поет сердце. Важные решения,
неслучайные встречи и музыкальная
шкатулка, которая спасла три жизни**

© Курилюк Л., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Предисловие

Сменяют друг друга времена года, день и ночь играют в догонялки, кружится вокруг Солнца мир, и мы вместе с ним.

День за днем садимся в одни и те же автобусы, едем по делам, возвращаемся домой и отдыхаем, устроившись поудобнее с чашкой чая в любимом кресле. Проживаем жизни, идем по тропинкам, что подарены нам судьбой, иногда сталкиваемся, удивленно поднимаем глаза, рассматриваем друг друга и торопимся дальше.

Трудно сказать, например, кто он, этот человек, что сидит рядом с нами в метро или бежит сейчас по тротуару, извиняясь на ходу и расталкивая прохожих локтями. Счастлив он или ускользает от печали? Чем живет и о чем мечтает?

А что, если сделать паузу, выключить телефон, взять в руки книгу и окунуться в мир историй и персонажей, которые при ближайшем рассмотрении оказываются похожими на нас?

Именно это предлагаю сделать, пока у вас в руках сборник моих рассказов.

О чем они? О том, что чувствует мужчина и думает женщина, о надежде, силе любви и безграничной материнской заботе, о добре и зле, воплощенных в людских делах.

Образы для своих произведений ищу в обычной жизни. От этого и рассказы получаются близкими любому человеку. Герои в них сильны и слабы, мыслят и страдают, радуются и оказываются перед сложным выбором, переживают предательство и находят силы идти дальше.

Начиная новый рассказ, даю образу имя, и он уже не безликий прохожий, запавший в память, а самостоятельный персонаж, который внимательно наблюдает за мной, ждет.

Что будет дальше?

Рассказ.

Прожектор воображения на миг выхватит кусочек жизни героя, озарит его лицо, мысли и чувства, помогая увидеть сокровенное.

Герои, придуманные судьбы и поступки, фейерверк чувств и переживаний. Все это соединяется – и вот готова летопись чьей-то жизни.

Придуманная, она потом попадает к читателю, и он вдруг узнает в герое себя, близких, вспоминает то, что когда-то чувствовал. И вот тогда моя выдумка становится реальностью.

Я начала писать рассказы несколько лет назад, выкладывая их в социальные сети. Люди читали, просили написать еще. Постепенно собралась небольшая аудитория, что поддерживала меня. Рассказы становились длиннее, образы раскрывались, наполнялись мелкими деталями, которые, как мозаика, собирались в единую картинку, создавая иллюзию короткометражного фильма, суть которого – наша с вами жизнь.

Только в отличие от нее в рассказе можно вдруг послать герою помощника, изменить его судьбу одним нажатием клавиши, вложить в его руки все дары мира, не требуя ничего взамен. Мои рассказы, как реки, текут, прокладывая себе русла. Начиная писать, никогда не знаю, чем закончится история.

И это люблю в творчестве больше всего. Свобода, магия, безграничность фантазии – вот прелесть писательского дара.

Но рассказ остается только набором букв, пока читатель не ощутит его вкус, не скажет, пожав плечами: «А ведь и так бывает!» Тогда история оживает, взъерошивает перышки и начинает свой путь. Она летит к вам бумажной птицей. Так давайте же подставим ей руку, тихо позовем и прислушаемся. Возможно, это история о вас.

Река дождется

Полина добралась до вокзала вовремя. Поезд, на котором ее младшая сестра Тамара должна была приехать, вот-вот покажется из-за поворота.

Внимательно вглядывалась в искривление рельсов, уходящих за старые полуразрушенные здания.

Когда-то и она с чемоданчиком, в поношенных, отданных соседкой сапожках приехала в этот город. Изменить жизнь, стать кем-то, кроме дочери, сестры и хорошей ученицы сельской школы. Ее никто не встречал, все нужно было делать самой.

И Полина делала. Поступила в училище, добилась места в общежитии.

– И в кого ты такая упрямая, Горшкова? – ворчала на нее комендант, когда девушка в очередной раз пришла жаловаться на текущие потолки и холодную воду в душе.

– В отца, – отвечала она.

– И кто же у нас папа? – язвительно спросила комендант.

– Рыбак.

– Потрясающе.

Но на следующий день крышу залатали, краны починили. Было что-то в этой девчонке, какой-то внутренний стержень, который заставлял окружающих верить, подчиняться, уважать и считаться с ее мнением.

* * *

Отец Полины и Тамары, Родион Федорович, был простым рыбаком. В команде таких же обветренных, с потрескавшимися пальцами и косматыми бровями мужиков он уходил рыбачить на реку. Добычу сдавали на местный рыбоперерабатывающий комбинат, который и кормил всех жителей деревни.

Мать девочек, веселая Иринка, незатейливую свою жизнь любила, но дочкам хотела другой судьбы.

– Уезжай, Поля. Ты умная, человеком станешь, отучишься, в городе и развлечений тебе больше, и работа найдется хорошая. Пора нашу семью в люди выводить!

Полина, обустроившись в общежитии, еще долго отмывала запах рыбы с белой нежной кожи. Ей казалось, что все оборачиваются ей вслед, потому что она вся, до косточек, пронизана этим въедливым, резким ароматом.

И вот теперь, отучившись и получив комнату в коммуналке, встречала младшую сестру, чтобы показать ей иную жизнь.

Но Тамарка была другой. Светло-коричневая, выцветшая на солнце штормовка, резиновые сапоги. Обветренное лицо с грубоватой, но пышущей ярким здоровым румянцем кожей и горящими глазами. Копия отца по складу души. Родион иногда сожалел, что Томка девчонка. Пацан стал бы наследником его промысла.

Тамара часто приходила на берег реки, садилась на старое дерево и слушала воду. Та разговаривала с ней, журчала и всхлипывала, принося камушки и оборванные нити водорослей.

А потом, когда лодка отца появлялась у пристани, бежала туда, чтобы первой похвалить за отличный улов.

– Ну ты как не от мира сего, – качая головой, твердила мать. – Все девчонки косы заплетают, платья шьют да в клуб ходят, а ты все на пристани с мужиками. И чего ты в этом нашла? Нехорошо.

– Не знаю, мама. – Тамара опускала взгляд, хмурилась, а потом улыбалась и продолжала: – Папа же хотел сына. Вот я за него.

Родион не показывал, но в душе гордился своим «сорванцом».

– Хватит, дочка. Вон, Полина уже работает. Пройдет лето, отправлю тебя в город. Пора взрослеть, не всю же жизнь ты собираешься рыбу чистить. – Ирина строго смотрела на дочь. – Ты прям дикарка какая-то.

– Но мама, мне и здесь хорошо. Работать буду, папе помогать. Он обещал меня взять к себе в бригаду.

– И не думай. Женщина-рыбак! Позорище.

Ирина все решила. Родион, понимая, что, наверное, она права, и Тамаре действительно нужно дать шанс узнать другую жизнь, перечить не стал.

– Ничего, Томка, съезди, навести Полюшку, отучишься, вернешься.

– Но папа!

– Надо, и не спорь. Я неуч, только и умею, что щук ловить. А ты молодая, сильная, все будет хорошо.

* * *

Заканчивался август. Тамара больше всего любила это время. Природа как будто последний раз вздыхает, а потом осыпается, тускнеет, готовится к долгим крепким холодам. Река осенью особенно прекрасна. Гладкая и туманная по утрам, к полудню она как будто вскипала, боясь замереть от ночных заморозков.

Тамара с тоской смотрела на реку. Расстаться с ней было трудно. Но надо.

Последний раз спустилась к воде и бросила ей прощальный подарок – венок из найденных в поле ромашек. Вода с благодарностью приняла его, коснувшись рук девушки, и унесла далеко на середину, где течение, гоня первые упавшие листья, спешило вперед.

Родион, когда дочь уехала, не позволил жене убрать в шкаф Томкину штормовку, спрятать в сарай ее сапоги.

– Вернется моя помощница. Ей это все понадобится.

– Брось. Дай ты ей пожить нормально! У людей вон и ванна в доме, и телевизор. Она еще не поняла, как может быть по-другому. Не вернется.

* * *

Полина увидела сестру издалека. Та, медленно идя по перрону, несла точно такой же чемоданчик, какой был и у Поли много лет назад. История повторилась, только героиня была совсем другой.

Сестры обнялись и пошли к метро. В нос ударил такой знакомый запах рыбы. Полина скривилась от отвращения. Та жизнь, ограниченная, грустно-постная, вдруг замаячила перед ней настолько явственно, что стало страшно. Но потом вдруг исчезла, растворилась в суете города, который уже не отпускал ее, надежно опутав суетой и иллюзией комфорта.

– Заходи. Я тебе здесь постелила, на кушетке. Вот тумбочка, ванная в конце коридора. Иди пока, душ прими. Мыло на раковине земляничное возьми. Одежду новую дам. Пора прекратить пахнуть, как рыбный магазин.

Тамара, уставшая и какая-то стеклянная, делала все, что велела сестра.

Вступительные экзамены, провал и работа на хлебобулочном комбинате, вечерние походы по украшенному к новогодним праздникам городу, театр, кино и танцы в Доме культуры. Тамара впитывала все, что нужно было, чтобы стать такой, как хотела сестра.

Искренне и целиком отдавая себя Тамаре, Полина старалась, но чувствовала, что все напрасно. Тома как будто пропускала все через себя, а потом забывала, сидя по вечерам у окна и смотря куда-то вдаль. Где-то там, за километры от этой комнаты, висит на гвоздике ее штормовка, сапоги, притулившиеся в углу, тихо облокотились на отцовские, высокие сапожищи. Все готово к ее возвращению. Нужно только немножко подождать.

* * *

– Домой поеду, надо родителей навестить, – как-то весной сказала Тамара, перекладывая на тарелки солнечно-белую яичницу.

– Зачем? – удивилась сестра. – Они же писали, что все хорошо.

– Хочу. Я здесь задыхаюсь, понимаешь? Мне нужно хоть краешком глаза увидеть нашу реку. Помнишь, как папа учил нас там плавать? А как лосенок с того берега приплыл к нам и запутался в траве ногами?

Воспоминания, прорвавшись, все лились и лились, заполняли комнату, вытесняли все суетное, тревожное и наносное. Город сдавался, отступал, растворялся в этом потоке солнечных брызг, душа девушки возрождалась.

– И не думай! – вдруг закричала Полина. – Туда ехать «три дня на оленях». А у тебя работа. Сначала на билет накопи, а потом уезжай.

Поля знала, что не права. Но она же тогда удержалась, осилила, перетерпела, когда было трудно и грустно, запретила себе возвращаться домой. Потому что мать верила: дочь добьется лучшего, потому что так было надо. Потому что вернуться – значит признать слабость, потому что если позволить себе поехать домой, то на обратную дорогу в городскую жизнь сил уже не будет.

Не желая сознаваться в этом, она любила родные места так же сильно, как и младшая сестра. Но загнала эту любовь куда-то далеко, закрыла ставнями и навесила большой замок. Она будет такой, какой не смогла быть мама, «станет человеком», чтобы родители гордились ею. А река? Река подождет.

Тамара в слезах вышла во двор. Прохожие толкали бредущую по тротуару девушку. А она невидящим взглядом смотрела вперед. Ей мерещились шелест камыша, всплеск волны и запах. Тот, что Полина приказала уничтожить земляничным мылом, купленным в универмаге.

Но сны отобрать не мог никто. В них было все просто и ясно. Время и расстояние с готовностью преломлялись, подчиняясь желанию спящей. Каждую ночь Тамара, лежа в кровати, засыпала под стук колес проносившегося под окном трамвая, а потом этот звук превращался в нечто особенное, одной ей ведомое и потому нежно оберегаемое.

* * *

Звонок телефона разорвал ткань утра. Мать, встревоженная и растерянная, кричала в трубку, что отец заболел, нужно приехать. В ушах так и стучало ее недосказанное «попрощаться».

Поезд, бессонная ночь. Сестры соскочили с телеги и побежали по дороге к дому. Грязь, хлюпающая и хватающая за подошвы, старалась помешать им, но они как будто и не замечали некрасивых разводов на новеньких сапожках, спеша в родительскую избу.

Мать встретила их у порога, обняла, причитая, и провела внутрь.

– Когда? – тихо просила Тамара, закусив губу.

– Вчера вечером. Все ждал вас, приказывал во двор выходить, смотреть, не идете ли. Что ж вы так поздно?

Ирина зарыдала в голос. Громко, по-бабьи, с всхлипами и завываниями.

– Мам, успокойся, мама, – Полина теребила мать за плечо, но уже сама рыдала в голос.

А Тамара, замерев и глядя на дверь, слышала только одно слово: «Ждал, ждал, ждал». Ждал, храня на гвоздике ее штормовку, ждал, заботливо прислонив к стене ее резиновые сапоги, ждал, а она не успела.

Тамара вдруг кинулась к двери, распахнула ее и выбежала на улицу. Она стремилась к реке, к воде, к той, что была одной на двоих, любовью и смыслом существования в этом Богом забытом месте.

Река невозмутимо текла, повинувшись вечным законам бытия. Но Тамару узнала, приветливо плеснула в лицо брызгами, лизнула носки сапог, обняла свежим, терпким ароматом водорослей.

– Я вернулась, папа, – прошептала она. – Спасибо, что ждал, прости, опоздала.

Катер взволновал воду, заставив ее густой пеной удариться о берег. И в этом шуме Тамаре почудился легкий вздох отца. Простил.

После похорон Полина уехала в город. А Тамара с матерью остались жить в деревне. Каждая из сестер выбрала свой путь, чтобы не опоздать прожить свою жизнь.

В маршрутке

Каждое буднее утро было похоже на предыдущее. Завтрак с запекшейся до жесткой корочки яичницей, кусок хлеба, накрытый толстеньким кругляшом колбасы, и чашка чая. Виктор не любил кофе. Он казался ему слишком резким, бьющим по вкусовым рецепторам и как бы смывающим всю прелесть утренней рассеянности.

Быстро помыв посуду и собравшись, Виктор выбежал из подъезда. Нужно было успеть на маршрутку до города. Очередь на нее загибалась и тянулась вдоль тротуара, словно змея. И все здесь уже были «своими». «Голова» очереди – это встающие раньше всех две женщины. Они отводили детей к закрытым дверям сада и бежали на работу. Малышня в это время развлекала сторожа незатейливыми рассказами о жизни.

Дальше стояли мужчины разного возраста, кто в кепке, кто в шляпе, кто с всклокоченными макушками. Нервно поглядывали на часы и, вытягивая шеи, смотрели в ту сторону, откуда Тимофей Игнатьевич должен был прикатить на своем микроавтобусе.

Виктор знал всех людей, ехавших вместе с ним, они всегда были одни и те же. У них получился слаженный коллектив, который знает особенности и предпочтения каждого. Кто где сидит, кому нужна помощь, чтобы забраться в машину, кто любит занимать последние сидения. Пригород с его однообразной жизнью не ждал новых жильцов, а здешняя маршрутка – новых пассажиров.

Но сегодня что-то изменилось.

Виктор ощутил это прежде, чем увидел.

Резковатый терпкий аромат духов, хруст бумажной сумочки, в которую что-то пытались положить, но не выходило, вздохи и удары каблучков об асфальт.

Обернулся.

Девушка, миленькая, с уложенной на «пятерку с плюсом» прической, в модной одежде, маникюром и тревогой на лице встретила с ним глазами, но тут же отвела их в сторону.

Подъехала маршрутка. Тимофей Игнатьевич бодро отсчитывал сдачу, приглашая пассажиров на посадку.

Все места заполнены. Можно ехать.

Водитель сделал радио потише, уважая право гостей на получасовой прерывистый сон, и включил зажигание.

Витя тоже задремал. Это выходило как-то само собой. Организм автоматически переходил в режим экономии энергии, отключая все ненужное.

– Да, Светик! Это я! Не узнала? Это Даша.

Виктор и все, кто уже погружался в сладкую дрему, вздрогнули.

Новенькая, держа телефон у маленького аккуратного ушка, мелодично рассмеялась.

– Да, переехала. Не знаю пока, только первый день сейчас. Игорь? Со мной. Нет, он на машине поехал. Нет, не предлагал пока. Но готовится, наверное.

Снова легкий, звонкий, счастливый смешок.

– Девушка! Нельзя ли потише? – Дама на первом сидении недовольно обернулась.

– Ой, извините. – Даша виновато кивнула. – Это не тебе. Как ты?

Далее, видимо, Светик рассказывала, как она, потому что Даша только угукала и кивала красивой головкой.

Виктор снова задремал. Ехать оставалось недолго.

– Ладно, пока, уже в метро захожу. – Даша вдруг опять чуть громче, чем нужно, обратилась к подруге. Пассажиры заморгали и встрепенулись. Приехали.

Остановившись перед входом в метро, Тимофей Игнатьевич пожелал всем удачи и открыл двери. Люди ловко выскакивали на тротуар и расходились по своим делам.

* * *

Яичница, бутерброд, чай, который Витя случайно подсластил два раза и его пришлось вылить, зонтик, застрявший между вешалкой и стеной. Обычное утро. Суета переместилась из стен квартиры на улицу. Виктор уже бежал на остановку.

Занял свое место в очереди. «Бельчонок» тут же пристроился за ним. Он узнал ее по духам.

Тимофей Игнатьевич опять поздоровался и впустил всех в салон.

– Светик? Я села. Да, в сапожках. Ну те, что мы с тобой видели. Да. Купил. Я потом меняла, натирала, да-да. Он у меня такой замечательный. Знаешь, ни в чем мне не отказывает.

Дама в черном пальто, сидящая рядом, покосилась на говорливую соседку, осмотрела ее с головы до аккуратных сапожек и скривила губы.

А Даша тем временем щебетала о выходных, как они с Игорьком поедут куда-то в гости, что наденет, что там будет делать. Маршрутка во главе с Тимофеем Игнатьевичем узнала, что Даша до смерти боится змей, что в лес за грибами она не пойдет.

Окружающие закатывали глаза, шикали на нее, она извинялась, начинала шептать, но Светик слышала плохо, приходилось снова повышать голос.

– Да, там обещают хорошую погоду, – Даша уверенно смотрела в будущее. Света что-то отвечала на том конце беспроводной связи, спутник услужливо передавал это в аккуратненькое ушко, Даша улыбалась.

– Нет, будет дождь, – раздалось вдруг с последнего ряда. – И похолодание.

Все обернулись, даже Даша. Угрюмый мужчина в серовато-полосатой кепке сдвинул брови, подняв лицо над газетой. Он грозно смотрел на общительную пассажирку.

– Свет, а тут вот мужчина говорит, что плохая погода будет. Извините, как вас зовут? Светик спрашивает.

– Роман Петрович меня зовут. Привет Светику.

– Да, так вот, Роман Петрович говорит, что дождь. Уж и не знаю. Что тогда брать-то с собой? А если он хочет... в такой красивый момент.

Дальше следовало перечисление цвета и фасона имеющихся вещей, уточнения и обсуждения нарядов для момента предложения руки и сердца.

Кто-то в углу тихо застонал. Угрюмый в кепке опять уткнулся в газету.

Даже водитель, уверенно пробирающийся через утренние пробки, стал чаще поглядывать в салон. Дашина трескотня, звонкая, по-девичьи легкая, мечущаяся от темы к теме, заставляла его улыбнуться.

– Эх, дочка у меня такие же. Как сядут вечером, как начнут свои разговоры, ей-богу.

– Ну, ладно, Светусик. Уже мы к городу подъехали. До понедельника. А то там, в глуши, связи нет. Пока.

– Пока Светику! – сказали два веселых паренька за спиной Даши. Она улыбнулась им и кивнула.

Люди спешили по делам. Получасовая передышка перед рабочим днем закончена.

Витя проводил взглядом говорливую попутчицу. Даша побежала ко входу в метро. Он хотел догнать ее, но передумал. Образ Игоря, «замечательного», «ни в чем ей не отказывающего», заставил одуматься и пойти своей дорогой.

Выходные пролетели быстро. Как будто ты хотел сфотографировать молнии, мелькавшие на небосклоне, только нацелил объектив фотоаппарата, а гроза уже закончилась. Виктор снова стоял на кухне. Глазунья шкварчала, колбаса закончилась, потому что ее вчера доел Витин сосед, заходивший за молотком, но засидевшийся до вечера, к чаю были баранки.

Вите было тоскливо. Но потом, уже выходя из подъезда, вспомнил, что сегодня Светику будут рассказывать о поездке за город. Надо успеть!

(Виктор не был поклонником женских сериалов и не смотрел мелодрамы. Но отчего-то ему было очень важно узнать, решился ли Игорь на «то самое», что навеки вырвет Дашу из его, Виктора, снов.)

Даша пришла грустная. Все в очереди невольно оборачивались, ища ее глазами, прищурившись, рассматривали и, пожав плечами, отводили взгляд.

Сама того не подозревая, эта болтушка уже стала «внутрисалонной достопримечательностью», как будто Тимофей Игнатьевич подключил опцию бесплатного получасового сериала-монолога.

Пассажиры расселись по местам, перевели телефоны в беззвучный режим и затаили дыхание. Утро понедельника обещало раскрыть подробности того, как Даша провела выходные.

А в салоне – тишина. Проехали один светофор, другой. Водитель, тревожно поглядывая в зеркальце заднего вида, нашел Дашу глазами. Ее рука то и дело тянулась в карман пальто, чтобы вынуть телефон, но останавливалась. Потом все же одним судорожным движением телефон был извлечен.

– Свет, это я... – дальше пауза, вздох. – Да, на работу. Плохо все, Светка.

Даша всхлипнула. Пассажиры напряглись.

– Ужасно, просто ужасно! Приехали его родители, брат еще. Они такие... такие...

Казалось, Даша никак не могла подобрать точного эпитета для всех перечисленных родственников.

С последних рядов услужливо подсказали неприличное слово. Даша поморщилась.

– Сключные они какие-то. Все ругались, а потом давай песни петь. Представляешь? Игорь тоже пел. Я ждала, что он мне предложение сделает, а он пел. Что пели? Что-то из фольклора. Я такое не люблю. А потом Игорь потерялся. Темно уже было. А он в лес решил пойти. Зачем? Не знаю. И...

Тут маршрутку слегка тряхнуло. Телефон выпал из Дашиных рук, раздался легкий хруст.

Девушка наклонилась и подняла его с пола. Она растерянно оглядывалась по сторонам, ища поддержки у соседей. В середине экрана была вмятина, стекло треснуло.

– Света! Светочка! Але!

– Но ответом ей было молчание, – Роман Петрович в неизменной кепке трагически вздохнул.

– Как же так. Мне же нужно...

– Ничего, дорогая, приедете на работу, со стационарного позвоните. А Игоря-то нашли? – пассажиры выжидательно смотрели на Дашу.

– Ой! Я не знаю.

– Да найдется ваш Игорь. У Светика. – Роман Петрович, плюнув на палец, перелистнул страницу и углубился в чтение. Книга была толстая, дорога дальняя.

– Вы что? Мой Игорь не такой. Он просто пропал. Его найдут, и я вам все объясню, – она строго смотрела на попутчиков, морща нос. Пассажиры отводили глаза, делая вид, что совершенно не интересуются этой историей.

Дальше ехали молча. Даша держала телефон на коленях, заботливо накрыв рукой, словно раненого зверька.

Виктор смотрел на профиль девушки. Кто она? Кем работает, чем интересуется? И любит ли она кофе? Если любит, то это станет проблемой.

– Извините. Не хочу прерывать это тягостное молчание по поводу утраты Игоря, но мы приехали. Освободите, пожалуйста, салон. – Тимофей Игнатьевич, массируя вдруг разболевшуюся поясницу, пожал плечами.

Пассажиры один за другим вышли. Только Даша сидела на месте, задумавшись.
Виктор тронул ее за плечо.

Даша вздохнула и вышла.

– До свидания, – тихо сказал он. – Надеюсь, все будет хорошо.

«Бельчонок» растерянно кивнула и ушла.

На следующее утро, сев на свое место, Даша быстро повернулась к Роману Петровичу и громко сказала:

– Вы были правы.

– В смысле?

– По поводу моей подруги, Светы.

И отвернулась. Звонить ей больше было некому.

Очередное осеннее утро стучало в окна маршрутки тугими жемчужинами градин. Люди ехали, укутавшись в собственные мысли, отгородившись ими от сидящих рядом. Случайные попутчики, чужие и далекие. Но каждый невольно поглядывал на Дашу, насупившуюся и печальную. Ее было немножко жалко.

– Ладно, не переживайте, милая Даша. – Роман Петрович закрыл книгу. – Мы вам хорошего найдем, верного. И, возможно, он уже где-то рядом.

Даша быстро огляделась. Витя поймал ее взгляд и робко кивнул.

* * *

Яичница с круглым золотым желтком и белоснежной окантовкой покоилась на поджаренном куске хлеба. Кусочки бекона тугим серпантином лежали рядом. Овощи, хрустящие, свежие, нарезанные тонкими кружочками и слегка присыпанные солью, поблескивали под лучами солнца, заглядывающего в окно. В двух одинаковых фарфоровых бокалах дымился ароматный, чуть осветленный ломтиком лимона чай. Даша и Витя завтракали, обсуждая планы на вечер. Кот, пушистый и такой же рыжий, как его хозяйка, с удовольствием потягивался на подоконнике. В Витиной квартире ему очень даже понравилось.

Подруга на счастье

– Таня, окаянная! – Женщина в старом пальто и стоптанных сапогах махала рукой в сторону прилавка, за которым стояла высокая худенькая девчонка. Прилавок был завален разными безделушками, пластмассовыми украшениями, деревянными ложками и прочей ерундой.

– Таня, ну, ты хоть за товаром-то следи! Я ж на пять минут всего отошла. – Мать зло смотрела на Таню.

– Мам, да кому нужно это барахло, никто и не берет.

Женщина схватила девочку за шарф и притянула к себе.

– Прежде всего, это нужно тебе. Есть-то тебе надо каждый день.

Они приезжали на рынок каждые выходные, торговали, чем могли, а потом мать прятала за пазуху тонкую пачку денег и везла сумку и дочь обратно. Пустая электричка громыхла по остывающим рельсам, Танина голова лежала на мамином плече и подпрыгивала в такт движению поезда.

Танюшка любила эти выезды. Потолкаться среди народа, позыркать глазами на то, что лежит у других горе-продавцов, погонять по пыльному асфальту камушки, перекидываясь бойкими словечками с ребятами, что приезжали на рынок тратить свои копейки. Таня везде была «своей», немного взбалмошной, грубоватой, но такой, к кому тянулись такие же сорванцы, как она сама.

Их небольшой городок мог похвастаться тремя школами, Таня по будням ходила в математическую.

– Людмила, Танечке твоей бы в Москве учиться. У нее склонность к точным наукам. – Директор школы была давней подругой матери, за Таню переживала, старалась помочь девочке.

Люда, крутившаяся целыми днями на фабрике, основном месте работы большинства жителей города, только качала головой. Лучше бы Танька работать пошла, а то еще учиться, да еще в Москве.

Отгремел выпускной. Таня в легком с короткими рукавами-фонариками и широкой юбкой почти до щиколоток платье шла под руку с одноклассником Вовкой.

– И что ты теперь? – Вова все пытался обнять подружку за талию, но та отталкивала его руку.

– Поеду поступать на математический в МГУ, – просто, как будто обсуждала погоду, сообщила ему Таня.

– Ты чего, Танюха? Какой институт? Надо оно тебе, что ли? Работать иди, времени вечерами будет много, погуляем. – Он толкнул ее в плечо, а потом дернул за руку, притягивая к себе.

– С тобой что ли? – Она презрительно смерила его взглядом. – Нет, мне это не интересно. Извини.

Быстро повернулась и ушла.

Вовка недовольно смотрел вслед девушке.

– Ладно-ладно, еще свидимся, – сплюнул на асфальт и чертыхнулся.

* * *

Танюха появилась в институте только ко второму сентября. Экзамены в МГУ завалила, пришлось пробовать поступить куда-то еще.

В первый день занятий бегала по магазинам, выбирая туфли. Студентки в Москве ходили совсем в другой обуви, Таня не могла позволить себе позориться среди однокурсниц. Все деньги, что взяла с собой, легли на прилавок в обувном магазине.

– Ладно, ничего, придумаем что-нибудь, – бережно баюкая новенькие туфли, Таня гордо шла по улице, спеша в общежитие.

Короткие волосы, дерзкий взгляд карих глаз, юбка, сшитая соседкой по квартире в родном городе, блузка, что отдала мамина сестра «из старых запасов», новые туфли. Татьяна зашла в аудиторию и огляделась. Куда бы сесть?

– Здесь свободно? – Первокурсница, наконец, выбрала себе местечко в самом последнем ряду, рядом с какой-то девчонкой, что старательно вынимала тетради из сумки.

– Да, конечно, – та, немного смутившись, кивнула и улыбнулась.

– Привет, меня Таней зовут, а тебя?

– Светлана. Приятно познакомиться! Ой, преподаватель уже пришел, садись скорее.

Девушки быстро подружились. Они были разными: Света – «правильная», ответственная и скромная, краснеющая и смущающаяся по любому поводу, и Танюха, девчонка, которой палец в рот не клади, готовая иногда прогулять скучные лекции, носящая в сумке сигареты, подрабатывающая по вечерам в булочной.

Но что-то притягивало их друг к другу. Как будто действительно магнетическая тяга двух противоположностей соединяла их судьбы все крепче и крепче.

– Слушай, Тань, на следующей неделе зачет. Ты как, готова? – Света заботливо поправила учебники подруги, сваленные на парте.

– Ну как тебе сказать.

Таня никогда не признавалась, что не поняла, не успела, не услышала. Она всегда уверенно врала, что все хорошо, лучше многих.

– Приходи ко мне в субботу. В общежитии, наверное, тяжело готовиться. – Света выжидательно замолчала.

– А твои не будут против? Помню, как заходила к вам на Новый год. Твоя мама явно была не рада меня видеть.

Света вздохнула. Тогда Танюха заглянула к подруге без приглашения, была немного пьяна. Принесла Светке варешки. Их связала Танина мать, специально для «дочкиной подруги, что научит ее уму-разуму». Конечно, в Светиной семье таких гостей как-то не ждали. Там больше приветствовали «хорошие» связи, интеллигентные.

– Родителей не будет. Они на дачу собираются.

– Тогда не вопрос. Только вот что. Давай борщ сварим, а? Так хочется, а у нас в общаге не развернешься. Продукты я обеспечу.

– Ой, давай. Только я не умею.

– Ну ты даешь! Придется научить.

В субботу Таня с большой сумкой появилась на пороге Светкиной квартиры. Девушки сначала позубрили лекции, потом Таня вытащила подругу в парк.

– Смотри, какие мальчики симпатичные. – Танюха кивнула в сторону скамейки, где группа парней брэнчала на гитаре.

– Говори потише, – Света смущенно схватила напарницу за локоть и потащила вперед.

– А что такого? Ты им вон тоже понравилась. Смотри, один прям глаз не сводит.

Но Светлана уже быстро шла по аллее домой. В голове звучали родительские наставления, вспыхивали мысли об учебе, а еще набатом звучала дикая неуверенность в себе и страх от того, что она, Света, может кого-то заинтересовать.

Когда девушки уже сидели на кухне, дуя на тарелки с ароматным, сочно-свекольным борщом, Таня спросила:

– Свет, а у тебя мальчики были? Ну, ты с кем-то уже встречалась?

– Нет, все как-то некогда. А ты?

Татьяна усмехнулась.

– Некогда? А в школе? Нравился же тебе кто-то? У меня был Вовка. Но я с ним порвала.

– Почему?

– Скучный он, глуповатый, что ли.

– А мне нравился один мальчик. Мы с ним даже танцевали на выпускном.

– И?.. – Таня ждала продолжения.

– И все. Потом готовилась к экзаменам. Он звонил пару раз, потом перестал.

– Понятно. Жалко парня. Давай борщ попробовать тогда.

* * *

Годы сменяли друг друга.

Светлана водила подругу по музеям, рассказывала о стареньких деревянных домиках, что затаились среди безликих построек современности. Вопреки маминым косым взглядам и наставлениям, дружить с Татьяной не бросала. С этой простой девчонкой из общежития было хорошо. Она, сама того не замечая, делала Свету живой, учила наслаждаться молодостью, не застревая в душных аудиториях института.

Когда была сдана очередная сессия и студенты разъезжались на летние каникулы, Таня предложила Светлане погостить у нее, ведь недалеко от Таниного городка была речка, душистые поля с иван-чаем, мама держала небольшой огород.

– Поживешь у меня. Мама будет не против. Ты ей обязательно понравишься.

Мать сначала не хотела отпускать Светлану с этой странной развязной провинциалкой, но настоял отец.

– Отпусти ты ее. Сколько можно киснуть среди твоих клумб. Она молодая, что потом вспомнит? Как календулу пропальвала все лето?

И вот уже девушки выходят из вагона электрички. Вовка, раскрыв двери старенького, отцовского «Москвича», ждал их у станции, приветливо улыбаясь.

– Ба! Какие люди нас посетили. А вы, наверное, Светлана? Очень приятно, давайте ваш чемодан.

Таня усмехнулась. Вон Вовочка на кого позарился. Теперь Танька ему уже не годится.

Света поздоровалась и осторожно села в машину. Владимир ей понравился.

Вечером, когда Света уже спала, Людмила, медленно допивая чай, шепотом разговаривала с дочерью на кухне.

– Молодец ты. Какая подруга у тебя положительная, интеллигентная. Ты с нее пример бери. А то, небось, в Москве сразу все понимают, что ты из простых.

– Да, мамочка, беру, а как же. Ты не заметила, что у меня уже есть столичный лоск? – рассмеялась Танюшка, шумно втянув чай.

А потом, как-то у речки, когда солнце уже стало клониться к горизонту, Света смущенно отворачивалась, а Вовка все норовил поцеловать ее в губы.

– Ну, что вы. Не нужно, – отталкивала его, но тот был настойчив.

– Эй, ты! – раздалось за их спиной. Таня подошла почти неслышно. – Руки свои убрал. Убрал, сказала.

Танюха быстро оттолкнула Володю и дала ему сильную пощечину.

– Не смей ее трогать. Понял? Не про тебя она. Поди, лучше, машину заведи, нам домой пора.

Вовка полез было на Таню с кулаками, но что-то в ее взгляде остановило его. Это была сила, яростная, безоглядная. Перед такой он всегда пасовал.

Молча развернулся и пошел к шоссе.

– Чего ты, как каменная? – Таня потрясла подругу за плечо. – Ну... Она уже и плачет. Подумаешь, парень пристал. Да он ничего так, только простоват для тебя будет. Ты испугалась что ли? Дуреха ты моя.

По щекам Светланы бежали слезы.

– Спасибо, – прошептала она и взяла Таню за руку. – Извини. Он сам полез. Ты, наверное, его любишь еще?

– Да ну тебя, поехали домой, – Татьяна смутилась.

Нет, не любила она Вовку. Не жалела, не ревновала. Просто понимала, что Света не приспособлена к таким вот отношениям, легким, безответственным, животным. И значит, ее нужно спасти.

* * *

Пять лет института пролетели незаметно. И вот уже Света и Таня выходят из дверей вуза с дипломами, у Светы – «красный», «перспективный», у ее подруги – синенький, но тоже вполне приличный. Есть уже и место работы. Свете в бухгалтерию помог устроиться папа. Потом обещали перевести на должность получше. Таня же собиралась вернуться в родной город. На фабрике как раз ушла на пенсию баба Полина, бухгалтерия осиротела, Таню ждали с распростертыми объятиями.

– Мам, как там чулочно-носочное производство? – Таня весело смотрела по сторонам, идя к проходной.

– Как-как, вяжутся, продаются. А ты иди, нам зарплату считай. Счетовод ты мой талантливый. – Людмила гордилась дочкой. Высшее образование, в самой Москве.

Пути двух подруг резко разошлись. Сначала они еще перезванивались, а потом и этого не стало. Таня не ожидала, что будет скучать по наивной неприспособленной девчонке, что так старательно записывала лекции и неумело крошила капусту для борща.

Скоро наступило время, когда зарплата шла лишь на бумаге. В реальности же работники получали плату за свой труд тем, что делала их фабрика. У рынков и на улицах стояли люди. Кто-то продавал лопаты, кто-то – елочные игрушки, кто-то – носки. Те, что делала Танина фабрика.

У самой Тани и ее матери дома тоже стоял целый мешок носков, которые нужно было как-то продать, иначе скоро будет не на что покупать хлеб. Людмила много болела. Она уже не могла, как раньше, стоять на рынке у прилавка, зазывая покупателей.

– Ничего, мама. Все будет хорошо. Придумаем, куда эти носки деть, глаза б мои их не видели. – Таня ласково гладила мать по руке, а та растерянно смотрела на дочь.

Девушка дождалась, пока мама ляжет спать, и набрала номер Вовки.

– Ну? – сонно протянул он. – Чего надо?

– Надо тебя и твой «Москвич». В Москву завтра поедем.

– Ага, прям побежал уже. Бензин ты оплатишь?

– Оплачу. Жду к семи утра. Оденься поприличней.

– Да что ты еще?... – но Таня уже положила трубку. Она знала, что Вовка не подведет. Деньги ему тоже были очень нужны.

Уже к полудню благодаря Таниному приобретенному в детстве опыту в продаже того, что и даром никому не нужно, носки, чулки и колготки были распроданы на одном из московских рынков.

Тогда им с Володей повезло. Никто не потребовал отдать часть выручки, не прогнал их, угрожая расправой. Таня довольно вздохнула.

Вова медленно ехал по улицам полусонного города, слегка припорошенного первым снегом.

– Ой, останови, – вдруг велела Татьяна и, как только машина затормозила, выскочила.
– Света? Ты?

Света, бледная, уставшая, стояла на тротуаре у одного из обувных магазинов и пыталась продать старенькие босоножки.

– Танечка! Как ты тут оказалась? Я так рада!
Женщины обнялись.

– Смотрю, у бухгалтеров в Москве тоже дела идут хорошо? – невесело пошутила Таня, кивнув на стоптанные босоножки. – Давно продаешь?

– Давно... – Светлана вздохнула. – Нас всех поувольняли. Отец слег сразу. Мама умерла год назад. Уже многое продала, работы нет. Не знаю, что дальше делать, Тань.

И вдруг Светка зарыдала. По-детски, с подвываниями, всхлипами и причитаниями. Она уткнулась в Танино плечо и ощутила такой знакомый со студенческих лет аромат сигарет, запах Таниной надежности.

– Перестань, а то я Вовку позову. – Таня быстро встряхнула подругу и потащила ее к машине. – Пойдем, надо поговорить.

Володя, недовольный, смотрел на двух женщин на заднем сидении.

– Куда едем? – строго спросил он.

– Давайте к нам. – Света неуверенно посмотрела на друзей. – Замерзли, наверное, пообедаете. У меня колбаса есть, хлеб. Вы бутерброды же будете?

Те кивнули.

– Значит так. – Татьяна ходила взад-вперед по Светкиной кухне, переставляла посуду на столе, лихорадочно думая. – У нас много товара. Много и брака. Если договорюсь, мы сможем его забрать, подправить и продать. Выручку будем делить. Вовка, ты сможешь возить нас в свое рабочее время? Отец отпустит?

Тот пожал плечами, следя глазами за подругой. Таня, с горящими глазами, пылающими щеками, заставляла влюбляться в себя все больше.

– Ты, Светка, будешь ездить с нами. Так сможем торговать по разным точкам сразу. Умеешь торговать?

Света, как всегда, растерянно покачала головой.

– Ничего-то ты не умеешь. Ладно. Так, вот носки. Ты продаешь, Володя, ты покупаешь. Придирайся, канючь, потренируй нашу москвичку. Начали!

Еще долго отец Светы слышал доносящиеся с кухни странные реплики, возгласы и скандальные высказывания. Свету учили жизни. Не той, к которой она привыкла, а той, что потом будет гордо именоваться предпринимательством.

* * *

Вовка с тех пор возил девчонок по всем городам и весям, что располагались в пределах досягаемости от Москвы и Таниного родного городка. То тут, то там вдруг выставлялся стол. Татьяна хорошо поставленным голосом зазывала покупателей, расхваливая носки, чулки и колготы, Света упаковывала товар в пакетики, что Вовка выпросил у отца. Делать все нужно было быстро. Они уже не раз сталкивались со страшного вида дяденьками, что недобро смотрели на деньги, тонущие в Таниной сумке.

– Ох, ребята, боюсь я. – Таня иногда вдруг начинала нервничать. – Мать рассказывала, кого-то с фабрики так избивали за то, что не поделились они выручкой.

– Не говори ерунды. – Володя храбро смотрел на дорогу, чувствуя, как потеют руки. – Прорвемся.

Свете было тяжело. Неприспособленная, домашняя, стеснительная, она боялась всех этих вылазок, озиралась по сторонам, ожидая беды. Но деньги – реальные, шуршащие, которые

можно было потом в нужном месте обменять на продукты, заставляли ее переступать через себя. Хрустальная ваза, так заботливо выращенная матерью вокруг души дочери, трескалась, ломалась, давая ростку самостоятельности и уверенности, отчаянной, почти животной, пустить первые побеги.

В тот вечер, поторговав в Подольске и попав в сильную метель, женщинам пришлось идти на станцию. Володя не смог вытащить машину из снега, обещал завтра приехать.

– Езжайте на электричке. Так будет лучше, – уговаривал приятельниц. – Только давайте быстрее, скоро и те перестанут ходить.

Светлана и Таня растерянно огляделись. Город они знали плохо, но, спросив у прохожих, двинулись через сквер.

– Ничего, – дую на замерзшие пальцы, Татьяна тащила Свету за собой. – Как приедем ко мне, как выпьем. И не чая. Молчи! – прикрикнула она на Свету.

Чужую руку на плече Таня ощутила, поскользнувшись на льду, что прятался под пушистым невесомым снегом.

– Ой, какая девушка и падает, – обернувшись, Таня уперлась взглядом в лицо. Щетина, маленькие прищуренные глазки, скулы, напряженно подрагивающие желваки. Мужчина скалился, разглядывая Татьяну.

– Отойди! Оставь нас в покое. – Женщина решительно оттолкнула незнакомца, загородив собой Светку, но тут же получила удар в плечо.

– Тут я решаю, что и как будет. Вы, дамочки, на нашей территории, пора и заплатить. – Он попытался вырвать сумку с деньгами из цепких Таниных рук. – Какие красивые! Вы откуда будете, девочки?

Света, парализованная страхом, стояла как вкопанная. Ее губы дрожали.

– Мы-то? Да оттуда мы. А ты напугал, думала, кто такой? А это ты. – Татьяна быстро посмотрела на мужчину и улыбнулась. Он был слишком большим, под курткой угадывались мышцы. С таким не поборешься.

– Конечно, надо так надо. Заплатим. Сигарету будешь?

С этими словами сунула руку в карман пальто. Незнакомец напрягся.

– Беги, Светка! Слышишь, беги же! Вовку позови! – Таня отчаянно закричала, сжав руки в кулаки. Бросилась на мужчину, давя телом. Лед, сугробы, метель, – все были сегодня у нее в помощниках. Даже такой увалень не смог устоять на ногах, заскользил и упал назад.

– Нет уж! Дудки! Это наши деньги, это моя подруга. И ты сегодня не получишь ничего. – Танюха молотила руками по искривленному злобой лицу нападавшего. – Чего ты стоишь, Светка! Уходи!

Светлана пыталась что-то сделать, но потом развернулась и побежала к жилым домам, зовя на помощь.

Глухой звук выстрела раздался где-то у бедра. Тане стало больно, а потом все закончилось. Милосердная темнота закрыла страшное, чужое лицо, склонившееся над ней.

– Тань! Танюха! – Вовка шептал ее имя, уже не стараясь стереть слезы с лица. Те сыпались на Танины щеки, стекали на подбородок.

– Фу! Отвернись, перегаром от тебя несет. – Татьяна попыталась улыбнуться. Ей вдруг стало так приятно, что Вовка, ее простой, скучный Вовка тут, рядом, все сделает, все теперь будет хорошо.

Света стояла на коленях, придерживая Танину голову. Женщину трясло от напряжения, она рыдала, что-то шептала, прося у Тани прощения.

«Скорая» приехала быстро. Таня долго лежала в больнице. Но все обошлось, полностью восстановилась и уехала домой.

Светлана вернулась на работу, годы кризиса проходили, уступая место новому укладу жизни.

Татьяна, не утратив тяги к предпринимательству, встала на ноги, организовав небольшое дело.

Такие разные орбиты движения планет этих женщин пересеклись когда-то в студенческие годы. На беду ли, на счастье? Кто знает. Как бы сложилась Светкина жизнь, если бы не эта встреча? Возможно, была бы спокойнее, монотоннее.

Таня, грубоватая, немного испорченная, совсем не вписывалась в Светино окружение, но она стала той, кого Света любила по-настоящему, без всяких «но», не обращая внимания на провинциальные замашки. Просто приняла ее в сердце и сохранила там навсегда. Значит, так было предначертано свыше.

Пока танцует балерина

– Привет! – Саша заулыбался, увидев, как дочка выходит из школы с большим ранцем наперевес. – Как дела?

Сели в машину.

– Ой, папка, мы сегодня такое делали, такое. Потом покажу, это сюрприз. А еще была моя очередь кормить кроликов, а еще Платон угостил всех конфетами, у него день рождения был, а еще...

Катя не умолкала ни на минуту, стараясь рассказать отцу как можно больше, ведь они так редко бывают вместе. Вот и сейчас Саша должен отвезти дочку домой, а сам поедет на работу.

Посмотрел на спидометр. Стрелка медленно приближалась к пограничной отметке. Дочка возилась в автокресле на заднем сидении, рассаживая кукол. Магнитола рассказывала о погоде на завтра и рекламировала новые витамины.

Удар пришелся чуть сбоку. Со встречной полосы вылетел «Форд». Его водитель с перекошенным от страха лицом пытался что-то сделать, но поток машин не давал места для маневра.

Саша почувствовал жгучую боль в левом плече, потом его отбросило вперед, на миг он потерял сознание. Быстро придя в себя, попытался оглянуться, но помятый металл мешал пошевелиться. Он слышал крики дочери, она плакала и просила помочь ей, звала маму, опять плакала.

Вокруг суетились люди, пытались открыть двери, но не получалось.

– Потерпи, солнышко, нужно немножко потерпеть, родная. Все будет хорошо.

Дочь затихла. Подъехали спасатели.

Полина сидела рядом с кроватью и держала Катю за руку. Девочка серьезно не пострадала. Конечно, несколько переломов надолго задержат их в больнице, но Поля верила, что самое страшное уже позади. Тихо перебирала пальчики дочери. На них до сих пор видны были пятна от чернил и гуаши. Подбородок задрожал. Она глубоко вздохнула, закрыла глаза и попыталась успокоиться.

В палату зашел врач, Алексей Владимирович.

– Полина Викторовна, пройдем в ординаторскую, нужно поговорить.

Она бережно отпустила руку спящей Кати и накрыла ее одеялом.

Врач провел Полину в кабинет. Большая светлая комната с несколькими столами, за которыми заполняли бумаги люди в медицинской форме. Молоденький ординатор, отвлекшись от работы, поднял голову и, как будто случайно встретившись взглядом с вошедшей женщиной, тут же сделал вид, что очень занят. Полина смутилась, почувствовав, какое напряжение повисло в комнате.

– Полина Викторовна, скажите, дочь никогда не жаловалась на боли в спине?

Она немного подумала. Было трудно сосредоточиться, мысли путались, внутри все сжалось в комок.

– Вроде никогда. Хотя месяца два назад она проснулась утром и сказала, что спина сильно болит. Мы тогда решили, что это невралгия. Боль прошла к середине дня и больше не повторялась. А почему спрашиваете?

Алексей Владимирович сделал небольшую паузу, а потом тихо сказал:

– Дело в том, что МРТ показала новообразование рядом с позвоночником. Оно небольшое. Пока не можем сказать точно, что это.

– Какое новообразование? Это из-за аварии?

– Нет, она тут ни при чем.

В комнате повисла тишина.

– И что нам делать? – наконец проговорила Полина.

– Мы пригласим к Кате специалиста, он посмотрит результаты обследования, а там будет видно. Но еще раз подчеркиваю, Полина Викторовна, услышьте меня, мы не знаем, какого характера эта опухоль. Какие-либо выводы делать пока рано.

– Да... Да... Можно, к Кате пойду? – Ее растерянный взгляд блуждал по комнате.

– Идите.

Саши был в коме. Ему снилось, что Полина приглашает его с дочерью обедать, но он никак не может найти Катю. Она спряталась где-то на их участке на даче. Он зовет ее, но девочка молчит и не желает выходить.

Сердцебиение учащается. Полина выходит на крыльцо дома и что-то тихо говорит Саши. Но он не слышит. Она качает головой и уходит. Саши растерян, он понимает, что нужен своим девочкам, сейчас, без промедления, но никак не может дойти до них.

Через два дня к Кате пришел врач, о котором говорил Алексей Владимирович. В красивой шапочке с космическими рисунками, зеленой форме и со смешным человечком, который был вышит на кармане его униформы, Федор Федорович сразу понравился девочке. Он долго рассматривал результаты МРТ, анализы, куда-то звонил, консультировался.

– Солнышко, можно осмотрю твою спину? – спросил он у девочки, которая с любопытством глядела на него.

– Хорошо. – Она послушно легла на бок.

Теплые шершавые пальцы заскользили вдоль позвоночника и, наконец, нащупали то, что искали.

– Здесь не болит? – спросил врач.

– Немного, когда нажимаете. А что там?

Полина стояла рядом и молилась про себя: «Пусть скажет, что все хорошо. Пусть это все будет досадная ошибка».

– Полина Викторовна, а пойдете-ка, дам приз для вашей смелой девочки. – Он внимательно посмотрел Кате в глаза. – Катя, ты же любишь сюрпризы?

Та заулыбалась и кивнула.

Федор Федорович взглянул на мать.

«Поняла, все поняла. Так и не научился скрывать правду», – подумал с горечью.

Полина судорожно вздохнула, поцеловала дочь и вышла в коридор с врачом.

– Пройдем в кабинет.

Она молча шла за ним. В этот момент ненавидела его спину, дурацкую шапочку и форму. Сейчас он разрежет скальпелем ее жизнь на «до» и «после». А Саши нет рядом, чтобы защитить их и принять на себя весь удар.

– Садитесь. Хотите чаю? Нет? Ладно. Итак, полагаю, нам нужно как можно скорее удалить новообразование целиком. Оно слишком мало, чтобы заниматься биопсией отдельного фрагмента, если понимаете, о чем говорю.

Полину затрясло.

– Да, я в курсе. У родственников была онкология.

– Не утверждаю, что это именно злокачественная опухоль. Нужно посмотреть. Но с операцией медлить не советую. Предлагаю следующий вариант. Завтра мы подготовим все бумаги и переведем вас с Катей в детский специализированный центр. Послезавтра, если все будет нормально, сделаем операцию.

– Но... Здесь, в этой больнице, мой муж. Он в реанимации. Нельзя ли нам остаться?

– Как только он придет в себя, сможете навестить его. А пока терять время не стоит. Там у нас хорошее оборудование, поверьте, так будет лучше.

Их перевезли на следующий день.

– Мама, мы едем домой? – весело спросила девочка. – Папа уже там?

– Нет, малыш, папа еще в больнице, но скоро поправится. А нам надо в другую больницу.

– Зачем? Там лучше? Там мультики показывают?

– Да, родная, там будет хорошо. Про мультики не знаю, но спросим, обещаю. – Полина улыбнулась.

Катя зашла в палату, держа маму за руку. Две пары детских глаз внимательно уставились на них.

– Привет! – Катя смело сделала шаг вперед. – А тут мультики показывают?

Девочки, сидящие на кроватях, переглянулись.

– Да, только вечером.

Пока длилась операция, Полина ходила по коридору.

– Не волнуйтесь. Федор Федорович хороший врач, – услышала за спиной женский голос и обернулась.

К ней подошла стройная симпатичная девушка. На руках она баюкала мальчика, который постоянно вздрагивал и беспокойно мотал головой во сне. Девушка прижимала его к себе и что-то шептала на ушко.

– Он и нам делал операцию, – продолжила она. – Ничего страшного, сядьте.

Полина уже давно отвыкла от этого «мы, нам», когда речь идет о ребенке. Ей всегда хотелось поправить говорившего. Но не сегодня. Здесь, когда твой ребенок лежит за широкой белой дверью, ты мысленно с ним. Каждое движение хирурга, каждый его вздох ощущается тобой настолько остро, что пугаешься этого. Здесь можно говорить «нам», «мы», потому что ты сейчас в одной лодке с ребенком, пуповина вновь натянута, и ты изо всех сил стараешься ее сохранить.

– Вы давно тут? – Полина обвела взглядом стены больницы.

– Уже полгода. – Девушка вздохнула. – Но скоро обещают выписать. Коля поправляется. Только от лекарств ему всегда плохо. А у вашей девочки что? Лечение уже назначили?

– Нет, ждут пока результатов операции. Как это все нелепо. Катя с отцом попали в аварию. Переломы, а потом нам сказали, что у нее опухоль. Саша, мой муж, до сих пор в коме, он даже не знает, что дочка сейчас на операции, что я больше не могу, что...

– Тихо, тихо, – успокаивающе прошептала девушка на ухо Полине. – Дочка ваша ведь все чувствует. Пусть не слышит вас сейчас, но понимает, что волнуетесь. Перестаньте, возьмите себя в руки, покажите ей, что вы спокойны и уверены. Поверьте, ей сейчас страшнее, но она держится. Помогите ей.

Полина посмотрела на говорившую. Совсем юное лицо, но уже есть морщинки. Гордо держит голову, но глаза как будто потухли. Эта девочка пережила уже многое, знает, о чем говорит.

Полина кивнула.

– Спасибо.

Катя лежала на операционном столе. Ей было страшно. Чужие люди в масках склонились над ней, улыбались глазами, гладили по плечу, что-то говорили. А потом она почувствовала запах жвачки, перед глазами все закружилось, и уснула.

Это был странный сон. Увидела себя совсем маленькой с музыкальной шкатулкой в руках. Там фарфоровая балерина вращалась на изящной розовой лилии из стекла. Ее в день рождения подарил папа со словами: «Запомни этот момент на всю жизнь, милая».

И она запомнила. Сейчас Кате очень хочется уйти, она устала, ей страшно. Но отец стоит рядом, бережно держит за руки, а балерина все кружится.

– Передай маме, пусть не волнуется, – прошептал дочке в ухо. – Скоро вернусь, отдохну немного и вернусь. Обещаешь?

– Да, папочка. – Девочка обняла отца.

Через полчаса врачи вышли из операционной, а спящую Катю перевезли в палату.

– Полина Викторовна, – Федор Федорович снял шапочку и заменил ее на новую с веселыми зверюшками. – Все прошло хорошо. Теперь нужно подождать результаты гистологии. Попрошу, чтобы сделали побыстрее.

– Спасибо. – Она смотрела на него и тщетно пыталась найти в глазах ответы на вопросы.

– Пусть Катюша поспит. Посидите с ней. Может быть, вам что-нибудь принести?

Полина удивилась. Никогда не слышала, чтобы врачи приносили что-то для родственников пациентов.

– Я в буфет иду. Может, вам кофе купить или еще что? Не стесняйтесь.

– Нет. То есть да, кофе бы выпила. Если вас не затруднит.

– Хорошо. Скоро принесу. Не оставляйте дочку, она должна проснуться и увидеть вас.

Это обязательно.

И быстро вышел из палаты.

Саша все еще спал. Он слышал, как Катя смеялась и говорила, что воздух пахнет жвачкой, потом видел, как несколько врачей глядят ее по спине, а она тихо спит. Ощутил ее страх, но тут же встал рядом, заслоняя от всех бед. Он примет их на себя, оставив эту девочку безмятежно отдыхать. Увидел, как Катю увозят из операционной, хотел подбежать к дочке, но что-то удерживало его. Попытался кричать, не получилось. Но врачи услышали его.

– Не мешай, дорогой, – сказал анестезиолог. – С ней все хорошо, а вот ты давай поправляйся. Катя тебя ждет.

– Что с ней? – хотел спросить он, но наступила темнота.

– Остановка сердца. Давайте, ребята. Саша! Саша, ты не уходи, тебя дочка ждет, жена, слышишь? – Реаниматологи суетились у койки больного.

– Здравствуйте. Александр Чаров, да. Ч-а-р-о-в, – проговаривала по слогам фамилию мужа Полина, позвонив в справочную. – Все еще не пришел в себя. В тяжелом состоянии.

Эхом повторяла слова дежурной. Так тяжело ей не было еще никогда. Казалось, что наступила на тонкий, обманчивый лед, и теперь вся ее жизнь уходит под холодную воду. Она не хотела так. Тот день должен был закончиться по-другому, но ничего уже не исправить. Мелодия ее жизни прервана. Теперь она живет между нот, выпала из стройного хора оркестра и пытается исполнять соло, но ничего не получается.

Катя быстро пришла в себя. Внимательно осмотрела комнату, куда ее привезли, нашла глазами маму и затараторила:

– Мама, помнишь, мне папа шкатулку подарил с балериной? Давай ее сюда привезем, а? Папа мне сейчас про нее напомнил. А еще сказал, чтобы ты не волновалась. Он немножко отдохнет и придет к нам. Слышишь?

Полина слышала. Абсурдно, невозможно, глупо, но верила. Ей больше ничего не оставалось. Иначе сойдет с ума.

Наступил вечер. Катя капризничала. Ей надоело лежать, болели спина и сломанная рука. Спрашивала про папу. Наконец, уснула.

Полина сидела на краешке кровати и смотрела на дочку. С ней было непросто. Сразу после рождения Катя постоянно плакала, а Полина не могла понять, что не так. Потом, повзрослев, Катя стала упрямой, дерзила матери, настаивая на своем. Каждый день был борьбой. С собой, ребенком, неготовностью когда-то стать матерью.

Саша был не такой. Умел найти к дочери подход. Всегда договаривался с ней, веселил, успокаивал. А Полина не могла, старалась, но не могла.

– Сашка, давай, возвращайся, – шептала Поля, лежа в темноте и слушая дыхание дочери. – Твоя балерина совсем перестала танцевать, милый. Нужна твоя помощь.

И уснула.

– Держись, Полька, сейчас не могу. Надо еще кое-что исправить, подлатать. Потерпи, очень стараюсь, и ребята тоже. Но не время еще. Завтра особенно будь сильной, чувствую, что надо. – Голос Саши был таким реальным, будто он стоял рядом или разговаривал с женой по телефону.

Полина резко села на кровати и осмотрела палату. Катя стонала во сне, где-то раздался сигнал вызова медсестры.

Утром пришли результаты гистологии. Федор Федорович рассказал Полине, как они будут действовать дальше, чего можно ожидать. Она только кивала, ничего не понимая. Мозг отказывался принимать неизбежное, отгораживался от всего гулом в ушах и темнотой перед глазами.

– Поля! – вдруг услышала она где-то в голове голос мужа. – Соберись, сосредоточься. Спроси про лекарства, питание, все запиши. Сообщи матери, пусть привезет вам, что нужно.

Сашин голос, отдающий четкие инструкции, вернул Полину к действительности. Она судорожно вздохнула и попросила врача говорить медленно, чтобы успела записать.

Федор Федорович повторил еще раз.

– Чаров, ты, Чаров. Что ж ты с нами делаешь, – говорил дежурный врач, стоя у койки больного. – Все бежишь куда-то, бежишь. Будет у меня когда-нибудь спокойная смена или нет?

У больного участилось сердцебиение. Саша в это время видел, как изменилось лицо Полины от слов Федора Федоровича. Он был рядом, там, с семьей. Возвращаться в изломанное ноющее тело ему было пока еще рано.

У Кати начались первые процедуры. Все побочные эффекты, о которых шепотом рассказывали друг другу матери в коридоре, не заставили себя ждать. Глаза девочки стали такими огромными, а лицо вдруг таким худеньким, что казалось, будто они существуют отдельно от тела. А за окном уже была весна. Дворники убирали газоны, мужчины в форме дорожной службы чертили новые полосы на пешеходном переходе. Кате оставалось только наблюдать за всем этим со стороны. На улицу ее пока не выпускали. Из окошка палаты она махала рукой бабушке, но каждый день ждала не ее. А он все не приходил. Мама говорила, что папа тоже болеет, но в другом месте, и обязательно скоро придет.

– Мама, знаешь, папа приходит ко мне во сне, ночью. Садится вот сюда, – показала рукой на краешек кровати, – и рассказывает сказки. Ты слышишь их? Он тихо рассказывает, чтобы тетя Маша его не выгнала, она же такая строгая медсестра.

Катя вздохнула. А Полина подумала о своем. Саша приходит и к ней во сне, они сидят молча, обнявшись. Говорить здесь не о чем. Все, что хочется произнести, кажется банальным, пустым. Они сидят и смотрят, как балерина кружится в своем танце на цветке лилии.

Катин организм хорошо воспринял лечение. Появилась надежда на успех. Полина больше не смотрела с содроганием на корпус с желто-синими панелями, который был виден из окошка их палаты. Все, кого направляли туда, считались самыми тяжелыми. Уже троих с их этажа. Женщины молча собирали вещи, кивали знакомым и уходили, а оставшиеся молились за их детей.

Полина стала замечать у себя седые волосы. Но ей было все равно. Она и причесывалась лишь только ради элементарной гигиены. Для нее жизнь остановилась, хотя Катя ходила на

занятия для больных детей, играла со сверстниками, проживала каждый день, пытаюсь улыбаться. А Полина нет. Она всегда была слабой, пряталась за спину мужа. И теперь почти сломалась.

– Пап! Мама очень переживает. Слышала, как она с бабушкой говорила, что ей трудно. Ты приходи поскорее, а? Боюсь за нее, – уговаривала Катя отца во сне.

– Спешу, дочурка, очень спешу. Но маме нужно постараться еще немного.

Полина жалела себя, печалилась о своей прежней жизни, проклинала ту аварию, не понимая, что именно она, хотя и принесла в их семью горе, но и дала шанс на спасение. Никак не хотела принимать действительность, спорила, сопротивлялась, а потому и страдала.

– Поля, хватит ныть, думать о себе. Кате в сто раз тяжелее, но она радуется каждому дню. А ты все ковыряешь свои коленки, которые разбила в детстве. Повзрослей, наконец. Подуй на рану, заклей пластырем, подними голову и живи дальше. Никто не знает, сколько нам отмерено, не трать время на ерунду. – Саша громко ругался, ворвавшись в сон жены.

Топал ногами, был зол на нее. Полина с возмущением слушала его крик, он переплетался с танцем балерины, лилией, которая стала кружиться вместе с танцовщицей. Все вдруг смешалось, звуки причиняли боль и сводили Полину с ума. Она схватила музыкальную шкатулку и хотела кинуть ее на пол.

Звуки прекратились. Поля увидела испуганные глаза дочери, отчаяние на лице мужа, себя, перекошенную от гнева и страха. Если сейчас разобьет шкатулку, ничего уже не будет, кроме мрака, одиночества и боли.

Медленно поставила балерину на стол. Что-то в ее душе изменилось, как будто часовой механизм вдруг заработал по правилам. Колесики закрутились в нужном направлении, двигая стрелки на циферблате. Саша удовлетворенно кивнул и исчез. А Полина, проснувшись, никак не могла успокоить сердце, бешено бьющееся в груди.

– Чаров! Александр! Слышите? – громко говорил врач, легонько постукивая больного по щекам. – Пора просыпаться, дорогой. Давай, открывай глаза.

Саша услышал. Он вернулся. Теперь он знал, что Полина справится сама, а ему нужно быстро восстановиться. Катя ждет его, он должен прийти к ней. Даже знал, куда выходят окна ее палаты. Все знал.

– Мама! – закричала Катя, счастливо улыбаясь. – Там папка пришел! Папа!

Она смотрела на подъездную дорожку и махала руками, крича в щель раскрытого окна. По асфальту медленно, помогая себе костылями, шел мужчина. Он нес букет цветов. Для своей Кати, которая так ждала его.

Сосед

Антоша проснулся от какого-то резкого дребезжащего звука, наверное, кто-то захлопнул входную дверь. Мальчик сел на кровати и уставился на циферблат старого будильника.

– Нет! Мама! Мама! – Паренек протер глаза, еще раз всмотрелся в положение стрелок, потом бросился к окну.

Небо уже почти потеряло свой ало-пурпурный оттенок, переливаясь теперь оранжево-желтыми, мягкими разводами, облака пятились куда-то на север, словно боясь встающего из-за леса огромного, белого солнца.

– Опоздал! Опять опоздал. – Антоша чуть не плача надел штаны, рубаху, дрожащими руками застегнул пуговицы, нащупал под кроватью ботинки и, сунув в них ноги, выскочил в коридор.

Там было пусто, пахло пшенной кашей, которую мама, видимо, сварила с утра и ушла на работу. Отца тоже дома уже не было.

Мальчик кинулся к комнате Андрея Петровича, постучал, но никто не ответил. Тогда Антоша, всхлипывая, побежал в прихожую.

Алюминиевый таз, что всегда стоял, опираясь на стену погнутым черным дном, загрохотал, покатился и брякнулся, огласив коммунальную квартиру неприятным скрежещущим звуком.

– Антон, ты опять? – раздалось из-за двери Марии Федоровны. – Опять шумишь? Дадут мне, в конце концов, выспаться или нет?

– Извините, тетя Маша.

Антон одной рукой прилаживал таз, другой тянулся за курточкой, место которой было на гвозде, справа от «взрослой» одежды.

Петелька, не выдержав, оборвалась, и куртка упала на пол.

Через минуту Антон уже мчался по улице, туда, к парку, к огромному зеленому склону, сбегающему вниз пушистой мантией таволги и люпинов.

Именно там почти каждое утро располагался с мольбертом сосед Антона, художник Андрей Петрович Смолин.

Тяжелый этюдник раскладывался, показывая тюбики, кисти, тряпочки и масленки. Запах томившегося взаперти льняного масла вырывался наружу, смешиваясь с ароматами просыпающейся природы.

Андрей Петрович, услышав за спиной сопение и топот ног, прервался, быстро обернулся, кивнул в знак приветствия и продолжил работу.

Антон, стараясь отдышаться, замер рядом, наблюдая, как рука мужчины ловко, взмах за взмахом, кладет на холст уверенные мазки, тянется к палитре, что-то смешивает, пробует, вытирает кисть о ветошь, потом снова ныряет к разноцветным кляксам и создает на палитре частицу того, что видит глаз, – то желтую кашицу только что раскрывшегося одуванчика, то смелую синеву люпина, что качает головками стеблей, пытаясь увернуться от шмеля, то белолимонную, душную, всю пронизанную паутинками лепестков шапку таволги.

Мальчик во все глаза смотрел, как вдруг ни с того ни с сего отдельные, хаотичные мазки превращаются в картину, что-то уходит назад, что-то становится впереди. Картина оживает, углубляется, словно фантастический сад, вдруг ставший объемным.

Антон бросал взгляд то на склон, то на Андрея Петровича. Он все никак не мог понять, не мог увидеть, как можно разделить весь мир на мазки, на отдельные полоски, жирные шлепки масляной краски, а потом собрать все воедино, создав такую красоту, от которой немеет все внутри.

– Нравится? – Художник, ухмыляясь, повернул голову к зрителю.

– Очень нравится, Андрей Петрович.

– Хочешь попробовать?

– Нет, что вы. Только все испорчу, не умею так.

И Антон испуганно отшатнулся от протянутой ему кисти.

– А я помогу. Что ты каждый день за мной ходишь, а ни разу ничего не написал. Давай-ка, вот так, вот здесь держи. Молодец, теперь наберем краски, смелее. Вверх! Тяни вверх, как растут стебли, так и двигай рукой.

Он осторожно направлял тонкую слабую руку мальчишки, слыша, как он часто дышит, видя, как от волнения облизывает губы, чувствуя, как стучит в жилах бурлящая восторгом кровь.

– Смотри, ромашку нарисовал, – улыбнулся мужчина. – Теперь это наша с тобой картина.

– Нет, я же только чуть-чуть, – смутился Антоша.

Но Андрей Петрович уже смело написал внизу, в правом уголке, две пары инициалов: «АС» и «АВ».

Антон был по отцу Воронов. Антон Михайлович Воронов, мальчишка, что жил с родителями в одной из комнат шумной коммуналки на окраине города.

– Если продам эту картину, выручку пополам поделим, – похлопал Андрей Петрович мальчика по плечу. – купишь себе краски, будешь писать.

Тут художник посмотрел на часы, большие, с золотой оправой и ребристым колесиком сбоку.

– Ой, Антоша! Припозднились мы с тобой, помоги-ка мне все собрать, завтра продолжим.

Антон осторожно закручивал крышечки на полупустых тюбиках, читая названия: «Кадмий», «Кобальт», «Изумрудно зеленая», «Марс желтый».

Он все оглядывался по сторонам и искал, на что похожи цвета, не находил и еще больше поражался, как можно вот так смешать одно с другим и получить древесную кору, черно-коричневую, отливающую пепельно-серым на свету и синим в темноте, или, словно растерев в руках лепесток ириса, бросить палитру его фиолетово-голубую сущность, а потом снова слепить ее на холсте в единое целое.

– Мамка еды оставила? – Андрей Петрович уже хозяйничал на кухне, разбивая на сковороду два яйца и кидая туда два кружочка колбасы, любительской, с жирком, для себя и Антона.

– Оставила. Кашу сварила. Будете? – Антоша пододвинул кастрюльку на середину стола.

– Нет, спасибо. А я вот тебя все же угощу. Давай тарелку.

И через три минуты они уже за обе щеки уплетали яичницу, откусывая большие куски от хрустящего соленого огурца из трехлитровой банки и шумно жуя их.

Потом Андрей Петрович ушел на работу. Он расписывал стены только что отстроенного Дома культуры, пропадая под потолком, где шагали нарисованные им пионеры, улыбаясь и держа в руках золотые, с вымпелом, горны.

А Антошка слонялся без дела по двору, бегал с друзьями на речку купаться или ходил на базар, раскинувшийся шумным табором через две остановки от дома, на каменистом пустыре.

Там можно было выклянчить яблоко или кулек семечек. А иногда щедрый продавец, поманив стайку ребят с голыми, перепачканными дорожной пылью коленками, усаживал их к себе за прилавок и, ловко взмахнув несколько раз ножом, клал перед каждым красную, сочащуюся сахарным соком арбузную дольку.

– Ешьте, ешьте, пока пчела не прилетела, – говорил продавец и трепал новых знакомых по выцветшим, подстриженным у всех на один манер волосам.

Ребята кивали, жмурились, утирая стекающий с подбородка сок рукавами, потом хватали корки и убегали.

Вечером Андрей Петрович приходил достаточно рано, уставший от постоянной стоячей работы. Тяжело наклоняясь, снимал ботинки и шлепал тапками к себе в комнату.

– Дядя Андрей пришел, – вскочил и в этот раз Антошка со стула. – Я к нему пойду.

– Опять? Смотри, все отцу скажу, – недовольно ворчала мама. – Говорено тебе, не водись ты с этим душегубом. Сядь и пиши буквы, скоро в школу.

Слухи о том, что с Андреем Петровичем связана какая-то тайна, грех, смертный, неискупный, появились в Антошиной семье почти сразу же после того, как Андрей, загоревший, с вещмешком за спиной, возник на пороге коммуналки и, поздоровавшись, поселился в соседней комнате.

Антоша слышал, как отец рассказывал матери, будто у нового соседа была семья, да спалил он ее в избе, взревновав жену к кому-то. За то посадили его в тюрьму, откуда он и вышел недавно, выделили ему комнату и велели жить смирно.

Андрей Петрович был соседом тихим, почти незаметным. Только аромат масляной краски шлейфом следовал за ним из коридора в ванную, оттуда на кухню, а потом снова возвращался в каморку, довольно оседая на выцветших обоях.

– Нет, мама. Мне надо, мы договорились, он обещал меня рисовать научить, – рвался за дверь Антоша.

– Сядь, я сказала. Кто с ним утром в парк ходил? – Она размахнулась и дала сыну подзатыльник. – Нашел с кем дружбу водить. Выпорет отец, так и знай.

Антон всхлипывал, но больше с матерью не спорил. Если она доложит отцу, тот снимет с гвоздя ремень и всыплет мальчишке по первое число.

Но однажды родители уехали к бабушке, оставив Антона одного до следующего утра.

Мальчик все прислушивался, когда же художник вернется с работы. По утрам они больше не рисовали вместе, погода испортилась, да и мать строго следила, чтобы Антон никуда не убежал, попросила даже дворника, дядю Женю, проконтролировать, чтобы постреленок сидел дома.

И вот, наконец, дверь скрипнула, впусив Андрея Петровича.

– Здравствуйте, – выскочил Антон в коридор. – А можно к вам?

– Тебе ж нельзя, Антош, папка будет ругать, – покачал головой мужчина.

– Можно, родители разрешили один раз, – как можно увереннее ответил мальчик. – Можно?

– Ладно, иди. Сейчас чайник поставлю. Баранки будешь? Смотри, какие румяные и пахнут! – Он раскрыл авоську и показал Антону кулек.

Мальчик радостно кивнул.

– Иди, умоюсь и приду. Ты чай с сахаром пьешь?

– Не... – протянул Антоша. – Я без.

– А то я отхватил такой сахарнице! – и показал завернутый в бумагу серовато-белый кусок.

Пока сосед приводил себя в порядок, а чайник весело бурчал на плите, Антон тихонько зашел в комнату Андрея Петровича, встал на пороге и огляделся. Здесь было очень бедно. Табуретка, небольшой стол, сколоченный из досок, узкая железная кровать, старые, кое-где порвавшиеся занавески на окне. Книги стопками лежали на полу, а у окошка, повернутый к свету, стоял мольберт.

Антон подошел ближе, стараясь рассмотреть в полутьме, что было нарисовано на холсте.

Женщина, красивая, но какая-то грустная, очень худая, с заостренным носом и морщинами вокруг глаз, смотрела с туго натянутого на подрамник холста. Она как будто глядела куда-то мимо, не замечая стоящего перед ней Антона, не желая останавливать на нем свою жизнь. Что-то другое заботило ее.

Антоша провел рукой по ее волосам. Краска уже высохла, затвердела, но Андрей Петрович еще не покрыл картину лаком, и она не блестела, как другие, поэтому выглядела как-то тоскливо.

– Все, чай готов, садись за стол. – Художник открыл дверь ногой, держа в одной руке горячий чайник, а в другой – блюдо с наколотым только что сахаром.

Поставив все на клеенку и придвинув Антону табуретку, мужчина заметил, что мальчик рассматривал портрет, подошел и быстро набросил на изображение покрывало.

– Не надо, Антош, не спрашивай ничего только, хорошо? – видя, как горят любопытством глаза мальчугана, смутился хозяин комнаты. – Не сейчас об этом.

– Ладно. – Антоша отпрянул, повалился на табуретку и схватился за чашку, делая вид, что совсем не интересуется рисунком.

Чай пили молча, жадно дуя на пар и разгрызая неровные, блестящие острыми гранями осколки сахара.

А потом Андрей Петрович прижался спиной к стене, вздохнул и сказал:

– У меня здесь, в комнате, много картин, Антоша. Давай, тебе их все покажу.

И стал вынимать из-под грубой мешковины рисунки. Здесь было запечатлено много чужих мест, их Антон никогда не видел – высоких черных лысых сосен, тыкающих в небо чахлыми верхушками, рек, что бурной пеной мчатся куда-то за границу картины, сметая все на своем пути.

Андрей Петрович потихоньку расставлял холсты вдоль стен, что-то пояснял, рассказывал, но Антон не слушал, зачарованно глядя вглубь изображений. Иногда он даже подносил руку, как будто не веря, что это всего лишь плоский рисунок, штамп того, что когда-то увидел глаз.

В уголке стояло еще одно полотно, но Андрей не спешил разворачивать его, все медлил, оттягивал момент.

– А там что? – Антоша ткнул пальцем в ту самую картину. – Посмотрю?

И скинул ткань, защищающую рисунок от пыли и света.

Мальчишка, точь-в-точь Антон, только чуть постарше, стоял на ступеньках какого-то деревенского дома, держа на руках кота, рыжего, усатого и немного испуганного. Мальчик улыбался.

Он был очень похож на ту женщину с портрета, да и на самого Андрея Петровича тоже.

– Это же ваш сын, да? Тот, кого вы в избе сожгли, за это вас посадили в тюрьму? – Антон простодушно обернулся и посмотрел на побледневшего художника.

– Я... своего сына... – Андрей Петрович вдруг весь затрясся, побагровел и, протянув руку к двери, прошептал: – Вон! Уходи прочь! Иди домой, Антоша, и больше ко мне не приближайся.

Он тяжело дышал, сжимая зубы и держась рукой за стену.

– Но так мама говорила. Это не я придумал, – заревел испуганный мальчик и пулей выскочил из комнаты.

На следующее утро Андрей Петрович не пошел на работу. Из-за его двери раздавалась то непечатная брань, то всхлипывания. То что-то падало и колотило по полу кулаками.

Антон испуганно прошмыгнул на кухню.

Тетя Маша, как договорились с Антошиной матерью, разогрела ему поесть и велела идти гулять.

– Уходи, что тебе эти стенания слушать. Напился опять, вот вызову милицию, будет знать, – бурчала она, убирая со стола.

– Не надо милицию, тетя Маша. Это все из-за меня. – Антон испуганно смотрел на соседку.

– Что из-за тебя? – замерла она. – Что ты мелешь?

– Я вчера у дяди Андрея картинку одну перевернул, посмотреть хотел, там мальчик был нарисован. Я сказал, что это, наверное, его сын, тот, кого он в избе спалил, мне мамка рассказывала. А он разозлился, затрясся весь, выгнал меня. Не звони в милицию, тетя Маша.

Антоша в ужасе смотрел, как соседка осела на стул, закрыв рот рукой. Закашлялась, плеснула в чашку воды и жадно выпила, делая большие глотки.

– Это кто ж такое тебе наговорил – про пожар? – наконец, прошептала она, притянув к себе мальчика и крепко держа его за рукав.

– Папа матери рассказывал, а потом она мне, – растерянно ответил Антон. – А за что он их, а?

– Замолчи! И больше никогда не говори таких страшных слов. – Мария Федоровна схватила паренька за подбородок и поймала его взгляд. – Запомни, Андрей Петрович не виноват. Слышишь ты, не виноват он.

Она закусила губу и оттолкнула мальчишку.

– Иди, чтобы глаза мои на тебя не смотрели. Отправляйся на улицу.

Антон выскочил в коридор, обулся и убежал.

– Ворон, иди в футбол играть, – звали его друзья, но Антон не слышал, он мчался все дальше, боясь сам не зная чего.

– Ну, полно, полно, открывай. – Мария Федоровна постучалась к соседу, прислушалась, потом стукнула погромче.

За дверь стало тихо, как будто и не было там никого.

– Ты прости мальчишку. Он же не со зла, Андрюша. Пусти.

Она хотела подергать ручку, но тут дверь резко распахнулась, и на пороге показался Андрей.

Безумными глазами он обвел коридор, скользя взглядом по грязным обоям и сваленным в кучу старым газетам, по висящим на стенах журнальным картинкам и лыжам, прислоненным к дверному косяку.

– Это не я, Маша, не я. – Лицо Андрея скривилось, по щекам потекли слезы. – Не знаю кто, я не трогал, я любил ее, Маша!

– Ну, ну, хватит, иди, ляг, успокоиться нужно, а то соседи, как знать, и в психушку упекут.

– Зачем мне все это, Маша? Зачем? Надо было с ними остаться, там, в избе той проклятой.

– Ты что такое говоришь, Андрюша? Грех это, большой грех.

Дав Андрею Петровичу снотворного и уложив его на кровать, Маша села на кухне ждать родителей Антона.

– Ишь, ты, придумали гадости про людей говорить, – все шептала она, поглядывая в окно, не идут ли.

Соседи приехали только к обеду и хотели сразу пройти в комнату, но Мария Федоровна встретила их еще в прихожей.

– Аня, зайдите с мужем на кухню, – велела она.

– Мария Федоровна, мы устали, завтра на работу, – отнекивался сначала Антошин отец, Михаил.

– Я сказала, зайдите. Чтоб вам пусто было, – гаркнула Маша и толкнула Михаила в спину. Тот закашлялся, посмотрел на жену, та пожала плечами.

Закрыв дверь кухни на шпингалет, Мария Федоровна развернулась и пристально посмотрела на супругов.

– Вы что за гадости такие Антоше про Андрея Петровича наговорили?

– Какие гадости? – пожал плечами Миша. – А что, если он с зоны к нам сюда приехал? Говорят, семью убил. И как вообще таких среди нормальных людей селят?

– Ах, ты нормальный, да? Ты у нас хороший, правильный, а сосед твой убивец? – Маша уперла руки в бока и наступала на Михаила, а тот пятился назад.

– Говорят... – протянул он, невольно начиная бояться эту женщину.

– А про тебя говорят, что ни одной юбки на своей работе не пропускаешь, что на юбилей директора танцевал с его секретаршей, и целовались вы в туалете, – выпалила Мария Федоровна.

– Миша! – Аня, присев на стул, тут же вскочила. – Как ты мог?

– Анька, это ерунда, вранье, я тебя только люблю.

– Нет, милый. – Маша схватила мужчину за рубашку и встряхнула так, что ткань затрещала, собираясь в упругие складки. – Говорят-говорят, зря не скажут.

Аня чуть не плача стояла посередине кухни, потом подошла к раковине и налила в чайник воды, но так и не донесла его до плиты, опустив на стол.

– Так вот, слушайте меня и молчите, – продолжила между тем Мария. – Андрей Петрович никого не убивал, это был несчастный случай. Телевизор им в тот год поставили, Андрей продал тогда какому-то коллекционеру много своих картин, очень много, тот хорошо заплатил. На те деньги и купили телевизор. Здесь, на месте коммуналок, еще дома были деревянные, село было, коров пасли, где вы теперь танцульки свои танцуете. Все соседи ходили тот телевизор смотреть, Андрей всех привечал, никому не отказывал. Жена его, Полиночка, больная была, слабенькая очень, после родов совсем расклеилась, так он за двоих работал, сына воспитывал, ее на руках во двор выносил, чтобы воздухом дышала. А мог бы, Миш, слышишь, мог бы и бросить, невелика беда, уйти к другой, уехать, жить как человек, а инвалидку свою оставить.

– А я-то чего? – Михаил нахмурился. – Ты к чему это клонишь?

– А к тому, Миша, что любовь это была, настоящая, серьезная. А не как у вас – ветер в голове, да и только.

– Миша, о чем она говорит? – Анна нервничала, то садилась, то вскакивала со стула, принималась ходить взад-вперед по кухне.

– Что? Испугались, забегали? Наговорила я на вас, а вы уж и поверили? А про Андрея зачем вы так? Да еще мальчонке.

Был у нас тогда в деревне мужик один, после войны появился, кто, откуда, так никто и не знал, пришел и занял пустую избу. Какой-то он странный был, «не в себе». Полина ему очень нравилась, да только нездоровой какой-то любовью он ее приметил, дикой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.